

А. А. ВЕЛИЦЫН (ПАЛТОВ)

<Влияние образа веры и образа жизни колонистов-протестантов на русское население юга России>

<Фрагменты>

Нигде характер народа и его нравственный облик не отражается яснее, как в тех религиозных началах, которые составляют для него весь смысл и суть его жизненного бытия.

Различие этнографическое, т. е. различие тех племенных качеств, которые выражаются в особенностях психического строя народов, сделало то, что в религиозном отношении мир славянский, исповедуя почти одинаковый с Западом Символ Веры, тем не менее образовал отдельную вероисповедную группу, резко отличающуюся от мира германо-романского. Не касаясь католичества, так как лишь очень незначительная часть наших немцев-колонистов принадлежит к этой церкви, мы позволим себе в настоящем очерке остановиться на тех основах протестантизма, которые непреодолимой преградой лежат между немцами-колонистами протестантами и окрестным русским населением. Эти коренные свойства протестантизма необходимо иметь в виду, потому что, составляя внутреннюю сущность духовного строя жизни наших колонистов, они являются вместе с тем самым сильным противовесом к слиянию их с Россией.

В кратких словах эти свойства заключаются в следующем. Чрезмерно развитое чувство личности, тот индивидуализм, яркий расцвет которого является одним из характернейших явлений западноевропейской жизни, нашел себе самое рельефное выражение в протестантстве, том свойстве характера, при котором человек или народ, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен, в его глазах, уступить ему во-

лею или неволею, как неравноправный. Такой склад ума, чувства и воли ведет в области религиозной прежде всего к отрицанию какого бы то ни было авторитета. И действительно, в то время, как по понятию православному, церковь есть собрание всех верующих, всех времен и всех народов, под главенством Иисуса Христа и под водительством Святого Духа, и православные, преклоняясь перед ее авторитетом, признают ее непогрешимой хранительницей божественного откровения, протестанты отвергают всякую непогрешимость и предоставляют решение всех вопросов религиозных произволу личного толкования. В результате получается, что они этим самым отнимают всякое определенное значение у самого Откровения и ставят его в одну категорию с разными философскими учениями.

«Очень верным символом протестантского взгляда, замечает Н. Я. Данилевский*, служит следующая черта из жизни президента Соединенных Штатов Джеферсона. Джеферсон был вольнодумец и не признавал божественности христианства, но, однако же, уважал многие из его истин. Желая отделить справедливое от того, что, по его мнению, было ложно, он взял два экземпляра Евангелия и вырезал из них то, что казалось ему сообразным с здравым понятием о нравственности или, проще сказать, то, что ему нравилось. Свои вырезки он наклеивал в особую тетрадку и, таким образом, составил себе свод нравственных учений или, ежели угодно, систему религии для своего обихода. Каждый приверженец протестантского учения поступает в сущности совершенно так же и делает себе собственную свою тетрадку, которая неизбежно носит на себе отпечаток характера ее хозяина. Мистик не удостоит вырезки всего того, что кажется ему слишком простым или естественным, рационалист — то, что покажется слишком таинственным и сверхъестественным».

Таким образом, вся сущность религии по протестантскому воззрению необходимо сводится на одно лишь личное субъективное чувство. Такая субъективная религия, то есть верование тому, чему хочется, или тому, чему верится, есть прежде всего отрицание всякого положительного Откровения и отнятие у него не только всякой внешней, но и всякой внутренней обязательности и достоверности. Иными словами, такая субъективная

* Данилевский. Россия и Европа. С. 216.

религия есть отрицание религии вообще, ибо истинная религия немыслима без полной достоверности, подчиняющей себе весь дух, все проявления душевной жизни человека, так же точно, как достоверность логическая подчиняет себе его мышление и ум.

Не для теоретического доктринерства вошли мы в эту туманную область богословских рассуждений. То, что мы сказали, те начала и основы протестантства, которые мы отметили, необходимы для уразумения нижеследующего изложения разнообразных и оригинальных вероучений наших колонистов-сектантов. Как ни туманны и ни отдаленны представляются на первый взгляд все эти принципиальные отличия мира православного и протестантского, в жизни они имеют громадное практическое значение, кладя резкую печать на последователей того или иного направления. Мы были на месте и, проезжая попеременно то заброшенные и неустроенные русские селения, то вытянутые в струнку заботливо насаженные немецкие колонии, мы чували это различие в нравственном строе жизни, это племенное отличие характеров, выражающееся в исповедуемой религии — во всем.

Мертвящий дух протестантизма, в самых различных проявлениях, повсюду одинаково гнетущий, тяжелой печатью лежал на немцах-колонистах. Иначе они мыслят, иначе смотрят они на себя и на людей, чем наши русские крестьяне. Быть может, в единичных частных случаях это различие и не заметно, но в массе, в общем течении народной жизни резко-отличной струей протекают нравственные идеалы наших немецких сектантов; и не жизнь и не свет истины несут они с собой, а педантизм и сухое эгоистическое доктринерство. Цель наша, обрисовав отличительные признаки их религиозных воззрений, по возможности выяснить, что протестантский взгляд на Откровение лишает его достоверности и незыблемости в глазах придерживающихся его и тем самым разрушает в умах медленным, но неизбежным ходом логического развития, самую сущность христианства.

Утрачивая же шаг за шагом свой религиозный характер, протестантство в России с тем большей силой хватается за идею национальную и из своих отживших и ослабших религиозных традиций создает себе знамя германизма.

<...> Не только, однако, в области экономической проявляется вредное влияние немецкой колонизации, еще губительнее и тлетворнее оно в области религиозно-нравственной и политической. На юге народилось в настоящее время очень грустное для России явление,

с которым придется считаться очень серьезно и которое всецело является делом немецких поселенцев. Мы говорим о штунде.

О штунде столько было говорено и писано, и за и против, что прежде чем обрисовать ее положение в настоящем, необходимо дать хотя бы беглый очерк ее исторического развития и сущности этой секты, о которой так разноречиво судят разные поверхностные наблюдатели.

Братство штунды началось не в России, а в Германии. Основателем его следует считать Филиппа Якова Шпенера, умершего в 1705 г. в Берлине пробстом (благочинным). Он первый нашел полезным сблизить тех христиан его прихода, которые более других алчут духовной пищи и проникновения в разъяснения христианской истины. Мало-помалу стали возникать в приходах тесные кружки «братьев о Христе» и распространяться по всей протестантской Германии, особенно же в Виртемберге, где и получили название *Stunde* (час), потому что «братья» собирались в известные часы для молитв и духовных бесед.

В 1817 г. первые братья-штунде переселились из Виртемберга в Россию и здесь, на берегах Черного моря, впервые насадили штундизм в наших немецких колониях. Некоторое время штундизм оставался только в их кругу, не проникая в среду коренного православного населения.

Так дело шло до 1867 г., когда в колонии Рорбах появился молодой пастор Бонекемпфер¹, горячий пропагандист штундовых собраний. У него были два русских работника, батраки, которые зачастую слушали его проповеди, и вот, в феврале месяце 1867 г., эти два батрака — сами жители деревни Основы, в 7-ми верстах от Рорбаха — в один прекрасный день сняли со стены образа и принесли их своему священнику, заявив ему, что они им уже не нужны, так как они познали свет истинной веры.

Так начался штундизм среди православного населения, и в настоящее время — распространившись с необычайной быстротой — в рядах его числится уже несколько тысяч последователей. Очень долго считали штундизм явлением далеко не вредоносным, и даже теперь есть люди, которые склонны в нем видеть невинное стремление к познанию истины. В печати, в особенности в конце семидесятых годов, нередко раздавались горячие панегирики в пользу этого «русского рационализма», при склонности осуждать все русское и православное. Так, в «Голосе», например, в 1878 г., по поводу дела о штундистах, разбиравшегося в Одесском окруж-

ном суде, писали: «просматривая напечатанный в газетах процесс штундистов, можно подумать, что мы переносимся в первые времена христианства или в мрачное инквизиционное время и время религиозных костров! Люди, читающие Евангелие, стремящиеся жить по евангельскому слову, вести себя как истинные христиане; люди, ищущие нравственной истины, но *не находящие ее в формальной стороне религиозных обрядов (!)*, люди честные, трудящиеся, выполняющие свои обязанности в отношении государства и общества, — эти люди привлечены на скамью подсудимых!» («Голос», № 109).

Действительно ли это так? Действительно ли штундисты стараются вести себя как истинные христиане и выполнять свои обязанности перед государством и обществом?

<...> Они не ограничиваются тем, что отрывают народ от православия и от России; из проповеди штунды они прямо и нагло делают орудие германизации русского населения. Штундист не только перестает быть русским — он становится немцем. Прежде всего, он выносит из избы образа и портреты Государя и на их место вешает штундового царя Вильгельма и ставит бюст штундового апостола — Бисмарка. Затем он одевается по немецкому образцу, начинает курить коротенькую немецкую трубку, и сам учится и свою семью старается выучить говорить по-немецки, и ошибутся те, которые считают обращение в штундизм последствием религиозного неудовлетворения. Не духовных истин ищет в нем такой крестьянин, а материальной поддержки. Видя свою бедноту и рядом с этим благосостояние немца и оказываемую последнему правительством поддержку, в его уме слагается убеждение, что для того, чтобы достигнуть такого богатства, необходимо сделаться немцем. И немцы отлично эксплуатируют это настроение. Они оказывают широкую материальную помощь обратившимся из православия. Кроме того, играя на этом стремлении к наживе, они позволяют себе прямо грубые выходки. Так, например, у них есть прием, который мне лично случалось наблюдать... Немец говорит русскому: «положи под деревом рубль, затем иди, запришь у себя и молись по-штундистски, т. е. спиной к образу или как-нибудь иначе, предварительно оскорбивши его, и ты увидишь, что Бог сделает чудо — вместо рубля ты найдешь пять!» Крестьянин идет и запирается; немец тем временем вместо рубля кладет пять; через четверть часа крестьянин возвращается и забирает эти пять рублей. Осквернил ли он на самом деле образ или просто проспал

эти четверть часа — неизвестно, но, во всяком случае, он громко заявляет, что молился по-штундистски и Бог послал ему чудо, и в самом факте такого заявления уже заключается начало его нравственного развращения, — первый шаг его к отпадению от церкви. Указанный прием нагляднее всего иллюстрирует и характеризует те низкие инстинкты, которым служит штундизм и которым он обязан своим широким распространением.

Действуя, с одной стороны, страхом германского нашествия, с другой стороны, потакая корыстолюбивым стремлениям, всегда так сильным в массе, штундизм успел уже создать себе твердую почву на нашем юге. Проповедники его ходят по селениям и открыто возвещают, что скоро придет немецкий царь и завоюет весь юг, и тогда всех русских выгонят вон, а немцам будет хорошо. Если же вы не хотите потерять своего добра, увещевают они, скорее поступайте в штунду, отказывайтесь от своей веры и своего царя и сливайтесь с нами! И эти пионеры германского дела действительно не так далеки от истины, как это может показаться на первый взгляд.

